

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Новый учитель рисования

Ада смотрела, как папа возвращает Нине рисунок. Задание было нарисовать собственный портрет в своём любимом цвете. Нина выбрала розовый. Такой очевидный выбор для девочки, что Ада подумала: он сыграет против Нины. Родители Ады были большими любителями идти против «гендерных норм». Если бы Эллиотт, младший брат Ады, выполнил то же задание в голубом цвете, мистер Лейс наверняка посоветовал бы ему «копнуть глубже».

К удивлению Ады, папа улыбнулся и сказал:

— Очень симпатичная работа, Нина. Мне нравятся все те оттенки, которые ты нашла в этом цвете. Ты открыла розовый заново!

Нина просияла:

— Спасибо, мистер Лейс!

Видимо, их учитель был в хорошем настроении. Но Ада всё равно нервничала. Может, оттого, что её отец никогда не говорил таким взволнованным тоном о том, что делала она. Максимум ей перепало «Хорошая работа, солнышко» и похлопывание по макушке.

Пока мистер Лейс возвращал другим детям их рисунки, Ада прислушивалась к его похвалам. И пыталась убедить себя, что это добрый знак.

— Очень неплохая контрастность, Джейк. Я буквально каждую деталь вижу.

Мне нравится, как ты выполнила хвостик на голове, Пикси. Хорошая текстура.

Кейси, только посмотри на эти глаза! Превосходно!

Так что Аду удивило, когда папа притормозил рядом с её столом и положил перед ней её рисунок лицом вниз. Его губы сложились в нечто похожее на улыбку, но не до конца.

— Ада... — произнёс он.

И всё.

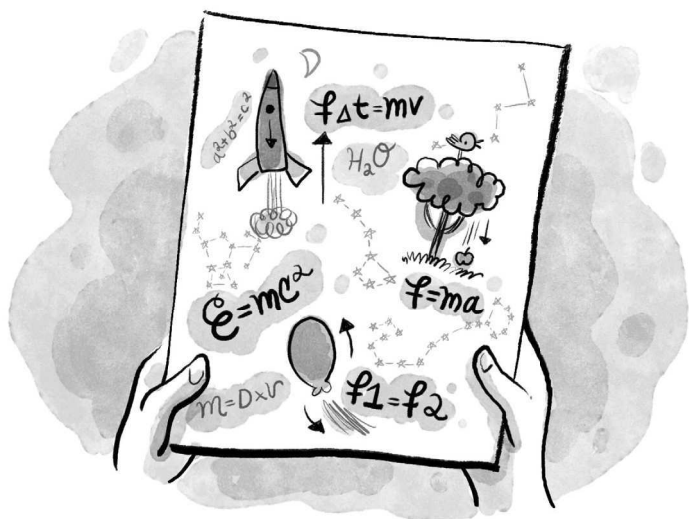
Она перевернула свой рисунок. Рядом с галочкой, обозначающей «проверено», было написано: «Обсудим это».

Ада устала на свой портрет. Она пыталась изобразить себя — правда пыталась. Но всякий раз дело кончалось не девочкой с чёлкой, а существом, похожим на овчарку. Так что в итоге она запечат-

лела то, что крутилось у неё в голове: законы движения Ньютона, уравнение Эйнштейна из специальной теории относительности и ещё несколько любимых уравнений с узорными буквами и цифрами. Ещё она добавила сюда же несколько своих излюбленных форм молекул.

Цвет, который она взяла, не использовал больше никто, и ещё она нанесла немного блеска, чтобы выделить некоторые детали. Работа заняла у Ады много времени и усилий, и результатом она была довольна. Рисунок показывал ту её сторону, которой никто раньше не видел, — а ведь это было одним из условий

задания. Так что же её отец — и учитель рисования — хотел с ней обсудить?

Она едва слушала, что происходило на остальной части урока. Одноклассники Ады рисовали кубы, цилиндры и сферы. Она же повторяла один кубик снова и снова, так и не перейдя к другим формам.

В ту же секунду, как раздался звонок, к ней подбежала Нина:

— Ух ты, твой отец — такой классный учитель! На его уроке мне нравится БОЛЬШЕ ВСЕГО. Он так меня воодушевляет! — выпалила она.

— Ха, ну да! — согласилась Ада. — Он настоящий заводила.

— Я не только об отметках. Кому до них есть дело! Уверена, все получили по плюсику.

— Верно, — поддакнула Ада. — Разве кто-то мог не получить плюстик?

— Просто он знает, что сказать, — не умолкала подруга. — Я так нервничала из-за того, что выбрала розовый. Но это и правда мой любимый цвет. И оказалось,

что я всё сделала отлично! Важно то, как *применять* розовый.

— Ага... — выдавила Ада. — Нина, давай я нагоню тебя за обедом? Мне нужно поговорить с мистером Лейсом.

— Конечно. Хи-хи! Очень смешно слышать, когда ты его так называешь.

Нина сгрэбла свои вещи и вылетела из класса. Ада подошла к отцовскому столу.

— Привет, Адита, — сказал мистер Лейс.

— Если я должна звать вас «мистер Лейс», мистер Лейс, то, думаю, вам надо обращаться ко мне «Ада».

— Ты всё правильно поняла, малыш, — улыбнулся мистер Лейс.

«Очевидно, сам-то он не понял ничего, — подумала Ада, — раз просто назвал меня другим домашним словечком».

— Вы сказали, что мы должны «обсудить это», так что я пришла это обсудить. Обсудим?

— Давай обсудим. — Мистер Лейс сложил ладони вместе.

— Я знаю, что я не лучший в мире художник. Не то что ты или мама. Но я стараюсь.

— Я вижу, милая. И твоя работа — замечательная. Но я давал не совсем такое задание, правда?

— О чём ты? — не поняла Ада. — Это был мой автопортрет.

— Ха-ха! Это забавно! — усмехнулся мистер Лейс. — Но рисунок не похож на тебя. Эти круги — что, твои уши?

— Это мои мысли, — объяснила Ада. — Я творчески подошла к работе! Мы ведь именно это должны делать на уроках рисования?

— Ну да. Но иногда, чтобы направить нашу творческую энергию, мы должны следовать указаниям. И коричневый немного темноват...

— Это жжёная умбра! — запротестовала Ада. — С ней-то что не так?

— Ничего. Выбор необычный, но необычность — это хорошо, даже здорово! В основном проблема в том, что ты не попыталась нарисовать свой портрет.

Если бы ты только попробовала изобразить лицо, или профиль, или хотя бы левый глаз, я бы и не обратил внимания на коричневый...

— На жжённую умбру... — проворчала Ада.

Мистер Лейс вдохнул поглубже и выдохнул через нос. Ада увидела крошечный хвостик козявки, которая высунулась из его ноздри да так там и осталась. Девочка хотела было сказать отцу об этом, но передумала.

— Хорошо, Ада. Но суть проблемы не в цвете. А в задании. Я всегда останусь твоим папой, но сейчас я ещё и твой учитель. Ты не можешь просто сделать другое задание, как будто это наше с тобой домашнее упражнение. Позволь мне учить тебя как положено. Я даю эти инструкции не без причины. О'кей?

— Если вы так говорите, мистер Лейс... — ответила Ада.

— Хорошо. Увидимся после уроков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все оттенки раздражения

Весь день Ада пыталась поднять себе настроение, но к тому моменту, как прозвучал последний звонок, оно только испортилось. Её отец сказал, что она не следовала правилам, однако Аде казалось, что ему просто не понравилась её работа, и она ничего не могла с собой поделать.

В свободное время ей нравилось мастерить механизмы и наблюдать за экосистемами — таковы были её любимые занятия. Раньше то, что она не изумительный художник, не имело особого значения. Но теперь, когда её папа стал учителем рисования, это внезапно сделалось важным. Не может же она провалиться по предмету, который ведёт её отец. Это было бы очень печально.

Ада так глубоко ушла в свои угрюмые мысли, что не стала ждать ни Нину, ни

отца. Она почти вышла со школьного двора, когда услышала, как её зовёт подруга.

— Ада! погоди! — Нина догнала её у самых ворот: — Разве мы не должны подождать твоего отца?

— Наверное...

Они остановились рядом с большим каменным столбом у ворот. Нина забралась на него, а потом протянула руку Аде.

Когда та лезла наверх, её портрет жжёной умброй вылетел из сумки и лениво спланировал на землю.

— Ой! Это твой портрет? — спросила Нина. — Я подберу!

— Нет, оставь! Он того не стоит.

— Ты не получила плюстик?

— Нет. Он сказал, я не следовала правилам.

Нина спрыгнула и подняла листок. Потом забралась обратно и стала рассматривать его.

— Надо же, — произнесла она, — это так на тебя похоже! Пусть даже тут нет твоего лица, я буквально вижу тебя здесь.

— Спасибо... — вздохнула Ада. — Но лица нет, так что нет и плюстика.

— О, Ада, да не такое уж это большое дело! — уверила Нина. — Этот плюстик почти ничего не значит.